

От прозвища к понятию:
«душехват» и «душехватство»
в нарративах XVII – начала XX в.

Виктор И. Короневский

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, iliich2000@mail.ru*

Кирилл М. Медведев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, kikatimi@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории наименований «душехват» и «душехватство», распространенных в сочинениях, созданных православными, униатскими и римо-католическими авторами на территориях Речи Посполитой, Российской империи и включенной в состав Австрийской империи Галиции в XVII – начала XX в. На основе анализа агиографической, полемической, гомилетической, исторической и публицистической литературы предполагается решение двух задач. Во-первых, выявить причину превращения наименования «душехват» из исключительного прозвища отдельного человека в имя нарицательное, а также и образования на его основе самостоятельного понятия «душехватство». Во-вторых, с опорой на методологию Кембриджской школы интеллектуальной истории определить функции, выполняемые лексемами «душехват» и «душехватство» в нарративах исследуемого периода. Авторы статьи приходят к выводу, что первоначально наименование «душехват» отсылало к распространенному в европейской христианской культуре XVII в. мотиву «охоты» на души, и употреблялось исключительно в качестве прозвища униатского мученика Иосафата Кунцевича для уподобления его Христу и апостолам или дьяволу и богоотступникам. Однако во второй половине XIX – начале XX в. «душехватство» в основном используется как самостоятельное понятие, с помощью которого как позитивные, так и негативные коннотации, которыми наделялось прозвище Кунцевича, экстраполировались на других лиц.

Ключевые слова: «Душехват», Иосафат Кунцевич, Андрей Боболя, религиозная полемика, Речь Посполитая, Российская империя, галицкие русофилы, история понятий

Для цитирования: Короневский В.И., Медведев К.М. От прозвища к понятию: «душехват» и «душехватство» в нарративах XVII – начала XX в. // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2026. № 2. С. 45–65. DOI: 10.28995/2658-4158-2026-2-45-65

From nickname into concept: “dushekhvat” and “dushekvatstvo” in the narratives of the 17th – early 20th centuries

Viktor I. Koronevskii

*St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, ilich2000@mail.ru*

Kirill M. Medvedev

*St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, kikamimi@mail.ru*

Abstract. The article examines the history of the concepts “dushekhvat” and “dushekhvatstvo”, which were popular in Eastern European narratives from the 17th to the early 20th centuries written by the Orthodox, Uniate or Roman Catholic writers. Based on hagiographical, polemical, homiletical, historical, and publicist works, two issues are investigated. Firstly, the reasons why the denomination “dushekhvat” transformed from one person’s nickname into a general concept are examined. Secondly, using the methodology by the Cambridge school of the history of political thought, the functions of the concepts “dushekhvat” and “dushekhvatstvo” in different narratives are studied. According to the conclusions, the original designation “dushekhvat”, referring to the widespread in European culture of the 17th century motive of “hunting” for souls. Initially, it was a nickname for the Uniate martyr Josaphat Kuntsevych, being used for emphasizing similarities between the saint and Christ with his apostles or the Devil with apostates. However, in the second half of the 19th and early 20th centuries the denominations “dushekhvat” and “dushekvatstvo” are generally used as concepts, sought to extrapolate the inherent content of the saint’s nickname to other individuals.

Keywords: “Dushekhvat”, Josaphat Kuntsevych, Andrew Bobola, religious polemics, Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian Empire, Galician Russophilia, history of concepts

For citation: Koronevskii, V.I. and Medvedev, K.M. (2026), “From nickname into concept: “dushekhvat” and “dushekvatstvo” in the narratives of the 17th – early 20th centuries”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 45–65, DOI: 10.28995/2658-4158-2026-2-45-65

Введение

Одним из последствий заключения в 1596 г. Брестской церковной унии стала напряженная полемика между православными, римо-католиками и греко-католиками. Наряду с проблемами экклесиологии и церковной истории ее предметом стали методы, использовавшиеся для привлечения православных к унии, и, в частности, деятельность отдельных лиц, главенствующее положение среди которых принадлежит Иосафату Кунцевичу (ок. 1580–1623) – убитому православными жителями города Витебска униатскому архиепископу Полоцкому, который в дальнейшем был признан мучеником и канонизирован [Лисейчиков 2020, с. 256–269; Медведев 2023, с. 39–54; Родэвальд 2009, с. 345–372].

Вопросы, связанные с унией и ее распространением в православной среде, не теряли значимости в течение XVIII – первой половины XIX в. Тем не менее в наибольшей степени они были актуализированы во второй половине XIX – начале XX в., когда различными авторами предпринимались попытки осмыслить природу и историческое значение Брестской унии и отразить историю взаимоотношений православных, римо-католиков и униатов на землях бывшей Речи Посполитой.

Свойство переломных эпох оказывать радикальное влияние на понятийный аппарат, используемый для описания реалий времени, было отмечено еще Р. Козеллеком [Козеллек 2014, с. 24–25]. Не стал исключением и судьбоносный для Речи Посполитой XVII век. В это время вошло в употребление популярное как среди сторонников, так и среди противников унии определение «душехват» («*duszochwat*»), первоначально использовавшееся применительно к Иосафату Кунцевичу. В свою очередь, во второй половине XIX – начале XX в. значение данного наименования претерпело существенные изменения. Лексема, функционировавшая в XVII в. как прозвище конкретного человека, в определенных контекстах начинает фигурировать как имя нарицательное, а на его основе складывается особое понятие – душехватство.

Несмотря на то что в исследовательской литературе косвенно затрагивался [Кречун 2013, с. 92–95; Ісіченко 2011, с. 3–21; Gil 2005, pp. 65–72]¹ вопрос о причинах появления этого определения, история его бытования в нарративах XVII в. имеет немало белых пятен. В свою очередь, работы, посвященные истории интерпретации наименования «душехват» во второй половине XIX – начале XX в., на данный момент отсутствуют. Настоящая статья призвана

¹ См. также: *Пануцєвіч В.* Сьвяты Язафат, архієпіскап полацкі. Полацк, 2000. С. 25.

на решить две задачи. Во-первых, определить, что способствовало переходу прозвища, первоначально закрепленного за конкретным человеком, в статус имени нарицательного и последующему распространению образованного от него понятия «душехватство». Во-вторых, с опорой на методологию К. Скиннера [Скиннер 2023, с. 137–139] определить, какие функции выполняли указанные лексемы в православных, римо-католических и униатских нарративах XVII – начала XX в.

«Охотник на души» как проводник в ад

Наименования, семантически близкие определению «душехват», обнаруживаются в XVI в. Наиболее ранний пример содержится в одной из датированных 1512 г. декламаций германского теолога И. Эколампадия². Описывая деятельность дьявола, сбивающего человеческие души с пути праведности, автор именует его «*impie venator animarum*»³. Указанный текст отсылает к строкам из 2-го послания к Тимофею: «*Servum autem Domini non oportet litigare: sed mansuetum esse ad omnes, docibilem, patientem, cum modestia corripientem eos qui resistunt veritati, nequando Deus det illis pœnitentiam ad cognoscendam veritatem, et resipiscant a diaboli laqueis, a quo captivi tenentur ad ipsius voluntatem*» (2 Тим 2:24-26)⁴. Характер использования наименования «*venator animarum*» И. Эколампадием позволяет предположить, что первоначально оно появилось как результат перефразирования высказывания апостола Павла о «сетях диавола».

В течение XVI века прозвище «*venator animarum*» продолжает употребляться в этом значении, причем только по отношению к сатане. Однако уже в первой половине XVII в. само наименование и мотив «охоты» на души («ловли») выходят за рамки латиноязычных текстов и перестают быть исключительными атрибутами дьявола, используясь применительно

² *Ökolampadius J. Declamationes Io. Icolampadii de passion & ultimo sermone, hoc est sacro sanctis septem dictis domini nostril Iesu Christi in cruce, sub typo concionatoris migraturi, quibus titulus est. Straßburg, 1512. K. F1.*

³ «Нечестивый охотник» (лат.).

⁴ «Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю» (лат.).

к еретикам и грешникам. В изданном в 1605 г. сочинении католического писателя Ф. де Раймона «L'Histoire De La Naissance, Progrez Et Decadence De L'Heresie De Ce Siecle» характеристика «*puissant veneur des ames*»⁵ применяется по отношению к Мартину Лютеру⁶. В 1610 г. испанский иезуит А. Авила именует «*venator animarum*» ветхозаветного богоотступника Нимрода⁷. В 1614 г. нидерландский художник протестант Адриан ван дер Венне пишет картину «*De zielen visserij*»⁸, во многом являющуюся сатирой на католическую церковь [De Witt 2009, pp. 17–24]. А в сочинении «Наука о противной унии», написанном неизвестным автором около 1626 г. на восточных территориях Речи Посполитой, в насаждении унии обвиняются «нынешнии душоловцы»⁹.

Таким образом, в нарративах первой четверти XVII в. мотив «охоты на души» («ловли») и сопряженные с ними наименования, как правило, предполагали противопоставление субъекта «охоты» («ловли»), будь то ветхозаветный богоотступник, современный «еретик» или сам дьявол, Богу и истинной Церкви, от которых отторгались человеческие души.

К этому же периоду относятся первые примеры употребления определения «душехват». Единственным лицом, по отношению к которому оно употребляется, становится Иосафат Кунцевич. Наименование фигурирует в жизнеописаниях святого, посвященных ему проповедях, эпистолярных памятниках, а также материалах беатификационных процессов 1628–1637 гг. Как правило, речь идет о попытке лиц, симпатизирующих Кунцевичу (в первую очередь, униатов), передать слова православных в его адрес. Так, в жизнеописании Иосафата, написанном униатским митрополитом И. Рутским в конце 1623 г., сообщается, что, будучи монахом Троицкого монастыря в Вильно, святой достиг таких успехов в религиозных спорах с православными, что они «*vero loco Josaphat mutata nomine “Duszochwat”*»¹⁰.

⁵ «Могущественный охотник на души» (*фр.*).

⁶ *De Remond F. L'histoire de la naissance, progresz et decadence de l'heresie de ce siecle. P., 1605. P. 354.*

⁷ *Avila A. A Dominica prima Aduetus, & deinceps per totam quadragesimam, in singulas ferias vsque ad Paschas. Vol. 1. Antverpiae, 1610. K. Oo2v.*

⁸ «Ловля душ» (*нид.*)

⁹ *Крыловский А. «Наука о противной унии» – памятник полемической литературы, составленный около 1626 г. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. 6 / ред. М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.П. Дашкевич. Киев, 1893. С. 23.*

¹⁰ «Вместо Иосафата стали называть его Душехватом» (*лат.*).

Это прозвище, как поясняет¹¹ автор, на латыни означает «*raptor animarum*»¹².

В 1628 г. приор полоцких василиан Г. Хмельницкий свидетельствовал, что в бытность Иосафата монахом Троицкого монастыря в Вильно местные православные пририсовали три фигуры демонов в сцене Страшного Суда в своей церкви. Это были фигуры Ипатия Потоя, на тот момент униатского митрополита, Иосифа Рутского, тогда еще архимандрита Троицкого монастыря, а также самого Кунцевича. На изображении все трое крючьями тянули человеческие души в ад. Рядом с Иосафатом была помещена надпись «*Duszochwat*». Ее значение Г. Хмельницкий пояснил¹³ как «*animarum praedo*»¹⁴. В 1637 г. автор показаний, снова рассказывая об этом, толковал надпись как «*quasi raptorem animarum*»¹⁵.

На процессе 1637 г. полоцкий гродский писарь Я. Дягилевич свидетельствовал, что, когда он еще был православным, сам вместе с другими «схизматиками» называл Кунцевича «*Duszochwatem, id est raptorem animarum*», так как тот рьяно пропагандировал идею унии и склонял людей идти в монахи¹⁶. Дягилевич также рассказывал, что, когда он в 1611 г. посетил виленскую Троицкую церковь в день святого Петра, Иосафат читал там проповедь про верховенство римских понтификов. Увидев «*Duszochwata*», Я. Дягилевич вместе с другими православными покинул церковь, не желая его слушать¹⁷.

Помимо пересказов униатами слов православных, известны и прямые свидетельства использования прозвища последними. Так, сохранилось написанное в декабре 1623 г. письмо слуцкого протопопа А. Мужиловского князю К. Радзивиллу, в котором без упоминания имени Кунцевича говорилось о делах

¹¹ Relatio Metrop. Josephi V. Rutsky j de vita et morte S. Josaphat, 1623/1624 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. 1: 1623–1628. Romae, 1952. P. 10.

¹² «Похититель душ» (лат.).

¹³ Documenta Beatificationis an. 1628 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. 1: 1623–1628. Romae, 1952. P. 177–178.

¹⁴ «Грабитель душ» (лат.).

¹⁵ Processus Beatificationis an. 1637 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. 2: 1628–1637. Romae, 1955. P. 224.

¹⁶ Ibid. P. 281.

¹⁷ Ibid. P. 275.

«Duszochwata połockiego»¹⁸, который помещался в ряд «innych archiapostatow»¹⁹.

В обращении православной шляхты Речи Посполитой к сенаторам, подготовленном к сейму 1623 г., Кунцевич без упоминания имени назывался в ряду униатов, причиняющих вред православным: «Pakostów, Szyszek, Steckow, Duszochwatow, Paliświatow, Poczapowskich y Ruckich»²⁰.

Таким образом, прозвище «Душехват» зародилось в виленской православной среде в период между 1604 (постриг Иосафата в Троицком монастыре) и 1611 гг. (показания Я. Дягилевича). Свидетельство Г. Хмельницкого о «дьявольской» природе «Душехвата», его причисление Мужиловским к «архиотступникам» и склонность авторов латиноязычных текстов использовать для перевода выражения «*raptor animarum*» и «*animarum praedo*» позволяют утверждать, что характер использования этого прозвища недоброжелателями Иосафата Кунцевича имеет очевидное сходство со значениями, которыми наделялись участники «охоты на души» в первой четверти XVII в. По-видимому, Иосафат Кунцевич рассматривался в качестве «Душехвата», поскольку привлекал православных к унии, тем самым «похищая» их души. При этом подразумевалось, что Кунцевич «выхватывает» души у Христа, у Православной церкви и направляет их в ад. Соответственно, наименование использовалось для порицания деятельности архиепископа и причисления его к кругу лиц, противных Богу и Церкви.

В то же время, в отличие от упомянутых выше латинских, французских и нидерландских наименований, никогда не имевших статуса имени собственного, лексема «Душехват» в православной среде употреблялась как относящееся исключительно к Иосафату Кунцевичу имя собственное, на что указывают как приведенные выше свидетельства, так и традиция написания с заглавной буквы. В этом качестве «Душехват» продолжал бытовать в православной среде и спустя долгое время после гибели святого. Так, в 1638 г. униатский Полоцкий архиепископ А. Селява упоминал, что некоторые православные жители Полоцка угрожали ему и его слугам, говоря: «Самого вашего владыку, так яко душехвату у Витебску учинено, забивши,

¹⁸ Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów. Dz 2. Sygn. 878. K. 1.

¹⁹ «Других архиотступников» (пол.).

²⁰ Supplicatia // Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше / сост. М.О. Коялович. СПб., 1865. С. 294.

в Двине утопим»²¹. А в 1667 г., согласно сведениям униатского митрополита К. Жоховского²², во время церемонии возвращения останков мученика в Полоцк, один пушкар не мог произвести выстрел из пушки и сказал: «Strzelaj że sam, Duszochwacie, kiedy ja nie dołazalem»²³.

«Ловец душ» для Христа

С 1620-х гг. в католических нарративах мотив «охоты» на души («лови»), а также наименование «*venator animarum*» наряду с традиционными отрицательными коннотациями обретают и положительные. Наиболее ранний известный пример относится к 1626 г., когда бамбергский генеральный викарий Ф. Фернер использует наименование «*venator et piscator animarum*»²⁴ по отношению к Христу. Автор при этом цитирует²⁵ евангельский призыв к апостолам Петру и Андрею: «*Venite post me faciam vos piscatores hominum*» (Мф 4:19)²⁶. Таким образом, «*venator et piscator animarum*» становится синонимом библейского «*piscator hominum*», ассоциирующегося с Христом и апостолами, которые «ловят» человеческие души для того, чтобы привести их к спасению, а в дальнейшем начинает употребляться самостоятельно, без добавления «*piscator*». С середины XVII в. фиксируются случаи употребления католическими авторами наименования «*venator animarum*» не только по отношению к Христу и апостолам. Так именовались многие миссионеры и основатели орденов, прославившиеся своей ролью в распространении и утверждении католической веры, нередко характеристика «*venator animarum*» напрямую сопровождалась упоминанием о заслугах в продолжении дела апостолов²⁷.

²¹ Документы, касающиеся тяжбы Полоцкого униатского архиеп. Антония Селявы с православным священником Афанасовичем и Полоцкими мещанами 1638 г. июня 23 – 1638 г. июня 24 // Витебская старина / сост. А.П. Сапунов. Т. 5. Ч. 1. Витебск, 1888. С. 179–180.

²² *Żochowski C. Dobry pasterz w zywocie y śmierci, to iest b. Iozaphat Kyncewicz. Kraków, 1669. K. C2v.*

²³ «Стреляй же сам, Душехват, коли у меня не выходит» (пол.).

²⁴ «Охотник и рыбак на души» (лат.).

²⁵ *Förner F. Paradisus Malorum Punicorum cum Pomorum fructibus. Vol. 2. Ingolstadii, 1626. P. 219.*

²⁶ «Идите за мною, и я сделаю вас ловцами человеков» (лат.).

²⁷ *Marraccio I. Bibliotheca Mariana. Romae, 1648. P. 55.*

Таким образом, после 1620-х гг. в рамках католического дискурса мотив «охоты» на души («ловли») получает альтернативную трактовку. Помимо дьявола и богоотступников, ее субъектами теперь становятся сам Христос и его последователи. Семантически «*venator animarum*» сближается с библейским «*piscator hominum*»: подразумевается, что «ловля» душ осуществляется для того, чтобы привести их к Богу. Соответственно, употребление наименования предполагает, что его носитель – последователь апостолов, верный евангельскому призыву.

Сходной трактовки своего прозвища, видимо, придерживался и сам Иосафат Кунцевич. В материалах беатификационных процессов со ссылкой на людей, лично его знавших, утверждается, что мученик не отвергал прозвища «*Duszochwat*», подчеркивая, что Господь повелел ему «*garīam*»²⁸ все души «схизматиков» и привести их в рай²⁹.

Эта идея была подхвачена сторонниками Кунцевича сразу после его гибели. Так, на втором беатификационном процессе василианин Д. Лецикович свидетельствовал, что мученик именовался «*Duszochwat*» именно потому, что прилагал все усилия, чтобы «*lucrarī*»³⁰ души людей для Бога³¹. Похожая трактовка приведена и придворным проповедником Сигизмунда III Ф. Бирковским: он отмечал³², что Иосафата звали «*Duszochwat*», поскольку он «*był szczęśliwy do połowu dusz ludzkich*»³³, которые «*z czartowskich łap wyrwywał y wychwytywał*»³⁴.

Аллюзии на евангельский призыв Христа к апостолам в униатских нарративах, посвященных Иосафату Кунцевичу, становятся общепринятыми с 1660-х гг. Так, в жизнеописании, написанном Холмским епископом Я. Сушей в 1665 г., отмечалось, что Иосафат, подобно апостолам, расставлял «*sanctam nassam*»³⁵, куда попадали человеческие души. За это, по мнению епископа,

²⁸ «Похитить» (лат.).

²⁹ *Documenta Beatificationis an. 1628 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. 1. 1623–1628. Romae, 1952. P. 178.*

³⁰ «Заполучить» (лат.).

³¹ *Processus Beatificationis an. 1637 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. 2: 1628–1637. Romae, 1955. P. 323.*

³² *Birkowski F. Kazania na niedziele i Święta Doroczne. T. 2. Cz. 2. Kraków, 1628. S. 871.*

³³ «Был счастливым в ловле душ людских» (пол.).

³⁴ «Из чертовских лап вырывал и выхватывал» (пол.).

³⁵ «Святые сети» (лат.).

Кунцевич и получил³⁶ прозвание, означавшее «animarum raptor felicissimus»³⁷.

В свою очередь, К. Жоховский в произнесенной в 1669 г. проповеди для подчеркивания заслуг Иосафата обратился к словам св. Бернарда Клервоского из письма³⁸ папе Евгению III: «Quis mihi det, ante quam moriar, videre ecclesiam Dei sic uteratin diebus antiquis: quando apostoli laxabant retia, non in capturam argenti vel auri, sed in capturam animarum»³⁹. К. Жоховский утверждал⁴⁰, что Иосафат был полностью достоин этих слов, поскольку «dusz lowienie poszczęśliło mu się»⁴¹.

После гибели Иосафата Кунцевича униатские авторы, отчасти развивая его собственные идеи и выстраивая антитезу православному пониманию «Душехвата», отчасти основываясь на евангельском мотиве «piscator hominum», использовали прозвище архиепископа для того чтобы подчеркнуть апостольский характер его деятельности. Подразумевалось, что он похищает души у дьявола для Христа, а не наоборот. Как и латиноязычное «venator animarum», «Duszochwat» в семантическом отношении оказался близок евангельскому образу апостола – «ловца человеков».

Характер использования прозвища униатами при этом отличался и от его употребления православными, и от применения «venator animarum» западноевропейскими авторами. В отличие от «venator animarum», ассоциировавшегося со многими лицами, наименование «Duszochwat» использовалось униатами только по отношению к Иосафату Кунцевичу. В то же время, в отличие от православных авторов, униаты не употребляли его для замены имени святого: «Josaphat» никогда не замещался «Duszochwatem», хотя они могли фигурировать рядом. В униатской среде XVII в. прозвище «Duszochwat» никогда не выступало в качестве антропо-

³⁶ *Susza J. Cursus vitae et certamen martyrii B. Josaphat Kuncevicii, archiep. Polocensis, ep. Vitebscensis et Mstislaviensis ordinis D. Basilii Magni. Romae, 1665. P. 55.*

³⁷ «Счастливейший похититель душ» (лат.).

³⁸ *Ad dominum Papam Eugenium, prima // Sancti Bernardi Claraevallensis Abbatis Primi, religiosissimi ecclesiae doctoris, suavissimique, et quod pro eximia illius pietate non in iuria dixeris, plane theodidacti, Opera Omnia. Antverpiae, 1620. P. 1589. Ep. CCXXXVII.*

³⁹ «Надеюсь, Господь сподобит меня быть свидетелем того, как Церковь возвращается к временам, когда апостолы закидывали сети, желая уловить души, а не серебро и золото» (лат.).

⁴⁰ *Żochowski C. Dobry pasterz w zywocie y śmierci, to iest b. Iozaphat Kunczewicz. Kraków, 1669. K. B2.*

⁴¹ «Он в ловле душ был удачлив» (пол.).

нима, однако продолжало существовать в неразрывной связи с персонею полоцкого мученика.

* * *

Таким образом, при жизни Иосафата Кунцевича и первое время после его смерти происходило складывание двух трактовок определения «душехват», каждая из которых подразумевала его применение исключительно по отношению к полоцкому святому. Обе интерпретации основывались на одном из двух способов восприятия мотива «ловли» душ, распространенных в европейских нарративах первых десятилетий XVII в., однако конкретные формулировки («душехват», «duszochwat», «raptor animarum») не были напрямую заимствованы из западноевропейских нарративов, существуя исключительно на пространстве Речи Посполитой. Само наименование использовалось ненавистниками и почитателями Кунцевича для того чтобы поместить его в контекст борьбы за человеческие души и причислить либо к богоотступникам, уводящим людей в ад, либо к «ловцам человеков», приводящим их к Христу.

«Душехват» в XVIII – первой половине XIX в.

В XVIII – первой половине XIX в. содержание прозвища претерпевает мало изменений. В православной среде примеры его употребления отсутствуют: авторы сочинений об Иосафате Кунцевиче его не упоминают. В униатской среде культ Иосафата Кунцевича успешно распространялся на приходском уровне, в чем большую роль играло книгоиздательство [Лось, Сінкевич 2020, с. 456–459]. Однако произведений, авторы которых привнесли бы в осмысление персоны мученика новые идеи, не восходящие к И. Рутскому, Я. Суше или К. Жоховскому, в XVIII в. создано не было. В связи с этим в указанный период прозвище «Duszochwat» использовалось в униатских нарративах так же, как и в XVII в.⁴² Единственный примечательный прецедент связан с изданным в 1745 г. в Сандомире первым польскоязычным жизнеописанием Андрея Боболи – почитавшегося с начала XVIII в. иезуита, в середине XVII в. проповедовавшего католицизм на территории Полесья и убитого православными казаками [Motta, Rai 2022, pp. 98–105]. Произведение было написано ректором Перемышльского иезуитского коллегияма А. Собещанским. В тексте святой именуется «Apostoł Piński», а также «duszochwat, co się tłumaczy venator animarum, to jest

⁴² *Kulczyński I. Specimen Ecclesiae Ruthenicae. Romae, 1733. P. 41.*

duszolowca»⁴³. Автор сравнивает Боболю исключительно с апостолами, не упоминая Иосафата Кунцевича. Более того, в отличие от униатских авторов XVII в., он пишет прозвище со строчной буквы, что свидетельствует о его восприятии «duszochwata» как имени нарицательного. Наименование «duszochwat» А. Собещанский, по-видимому, упоминает для того, чтобы читателю произведения, посвященного великому маршалку литовскому П. Сангушке, объяснить значение миссии «пинского апостола» при помощи не только известной латинской формулы «venator animarum», но и более близкого литовскому магнату середины XVIII в. образа «duszochwata».

Интерпретации второй половины XIX – начала XX в.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях появления большого числа нарративов, посвященных проблемам взаимоотношений православия, римо-католицизма и унии на землях бывшей Речи Посполитой и за ее пределами, в разных регионах начинают складываться новые способы употребления наименования «душехват».

* * *

Некоторыми авторами лексема продолжает использоваться как прозвище, принадлежащее исключительно Иосафату Кунцевичу, однако таким значимым содержанием, как в XVII в., оно уже не наполняется. Указанный способ применения прозвища встречается в работах большинства упоминавших о Кунцевиче польских авторов, а также православных историков и публицистов западных губерний Российской империи.

О том, что «схизматики» называли святого «duszochwat», в польских нарративах⁴⁴ говорится лишь как об одном из многочисленных фактов его биографии, имеющих второстепенное значение⁴⁵. В свою очередь, православные авторы, начиная с К.А. Говорского, упоминая о наименовании, объясняют его появление тем,

⁴³ *Sobieszczanski A.* Apostoł Pinski zarliwością zbawienia dusz ludzkich pałający to iest życie y śmierć świętobliwej pamięci w. x. Jędrzeia Boboli Societatis Jesu dla wiary katolickiej w Janowie od schyzmatyków Roku Pańskiego 1657 dnia 16 miesiąca maja zabitego. Sandomierz, 1745. S. 45.

⁴⁴ За исключением изданных в Галиции, о чем речь пойдет ниже.

⁴⁵ См. например: *Święty Josafat Kuncewicz biskup i męczennik.* Warszawa, 1912. S. 21.

что Кунцевич «совращал» в унию православных⁴⁶. В обоих случаях уходит в прошлое присущая XVII в. практика написания прозвища с заглавной буквы, исчезает также распространенная прежде в православной среде практика заменять прозвищем имя самого архиепископа. Пропадают и сравнения с богоотступниками или апостолами.

В целом первый способ применения определения «душехват», распространенный во второй половине XIX – начале XX в., предполагал его использование в качестве прозвища Иосафата Кунцевича, которое при этом уже не являлось ни альтернативным именем мученика, ни инструментом его отождествления с последователями Христа или дьявола. На страницах сочинений польских авторов оно представало как рядовая деталь, а в текстах православных историков и публицистов западных губерний могло играть роль дополнительного штриха к портрету Иосафата Кунцевича, призванного подчеркнуть малопривлекательный, с точки зрения православных, характер его деятельности по утверждению унии.

* * *

С середины XIX в. наименование «*duszochwat*» начинает активно употребляться и по отношению к Андрею Боболе. Как уже было показано, прецедент имел место еще в середине XVIII в. в сочинении А. Собещанского. Однако авторы второй половины XIX – начала XX в. используют прозвище по-другому.

В указанный период польскоязычные жизнеописания Боболи, как правило, издаются на территории Галиции. Их общим местом становится попытка сблизить образы Андрея Боболи и Иосафата Кунцевича. Так, в житии, написанном иезуитом В. Клейновским и изданном во Львове в 1854 г., «пинский апостол» характеризуется как «*łowiec dusz*», а виновники его гибели сравниваются с убийцами Иосафата Кунцевича⁴⁷. Сходные мотивы содержатся и в анонимном жизнеописании святого, изданном в 1903 г. в Кракове⁴⁸. В 1907 г. во Львове публикуется написанное иезуитом А. Врублевским жизнеописание святого, в котором прозвище «*duszochwat*» становится одним из главных инструментов сближения двух святых. Так, недоброжелателям Боболи приписываются попытки оскорбить его при помощи этого прозвища, на что святой, как

⁴⁶ См. например: *Говорский К.А.* Иосафат Кунцевич, Полоцкий униатский архиепископ (библиографический очерк). Витебск, 1858. С. 1.

⁴⁷ *Klejnowski W.* Życie i męczeństwo błogosławionego Jędrzeja Boboli Towarzystwa Jezusowego. Lwów, 1854. S. 78.

⁴⁸ *Bł. Andrzej Bobola* Męczennik T.J. Krótki życiorys i Nabożeństwo. Kraków, 1903. S. 21–22, 36.

утверждается, отвечал словами Иосафата Кунцевича: «*Dalby Bóg, dziatki, abym dusze wasze porwał do nieba*»⁴⁹. Непосредственно во время убийства Боболи казаки, по мнению А. Врублевского, также оскорбляли его, называя «*duszochwat*»⁵⁰.

В целом в тексте А. Врублевского наименование «душехват» способствует сближению образов святых двумя путями. Во-первых, факт его приписывания Боболе подчеркивает, что «пинского апостола» именовали так же, как Кунцевича. Во-вторых, с его помощью делается акцент на нападках, которые пришлось перенести святому: перечень причиненных ему недоброжелателями страданий пополняется дополнительной деталью, уподобляющей сюжет о мученической гибели Андрея Боболи мученичеству Иосафата Кунцевича. Само по себе сближение Боболи с Кунцевичем, чья популярность в Галиции была весьма высока [Jobst 2012, pp. 11–13; Fukushima 2020, pp. 22–24], вероятно, призвано было способствовать большему распространению культа «пинского апостола» в регионе.

В текстах, изданных после 1907 г. за пределами Галиции, употребление прозвища «душехват» применительно к Андрею Боболе могло способствовать как уподоблению святого Кунцевичу, так и подчеркиванию страданий мученика, либо же выполнять обе функции.

Так, в изданной в 1908 г. в Санкт-Петербурге работе иезуита Я. Урбана прозвище используется так же, как и у А. Врублевского⁵¹. В то же время в стихотворении Я. Купалы «*Bł. Andrej Babola*», опубликованном в приложении к переработанному белорусязычному изданию текста, говорится о том, что противники Боболи, не любившие его за стремление просвещать народ, «*“Dušehvatam” jaho nazywali niraz*», однако никаких отсылок к судьбе Иосафата Кунцевича не содержится⁵². Зато в опубликованной в 1911–1912 гг. в «Гродненских епархиальных ведомостях» работе анонимного автора «Правда об иезуите Андрее Боболе, мнимом святом католической церкви», являющейся ответом на сочинение Я. Урбана, акцент на страданиях Боболи отсутствует, зато используется параллель с Кунцевичем. В тексте утверждается, что прозвище «душехват» было дано Боболе, «как и Иосафату Кунцевичу, за то, что он, именно, хватал души православных для костела, как волк хватает овец, ворвавшись в стадо»⁵³.

⁴⁹ «Дал бы Бог, детки, я бы души ваши похитил для неба» (пол.).

⁵⁰ *Wróblewski* A. *Bł. Andrzej Bobola* T.J. Lwów, 1907. S. 14, 17, 30.

⁵¹ *Jan z nad Buga*. *Bł. Andrzej Bobola Męczennik* T.J. Petersburg, 1908. S. 34.

⁵² *Bł. Andrej Babola* // *Bł. Andrej Babola Mučynik* T.J. Wilnia, 1911. S. 34.

⁵³ Правда об иезуите Андрее Боболе, мнимом святом католической церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1912. № 14–15. С. 166.

Таким образом, другой распространившийся на рубеже XIX–XX вв. способ использования наименования «*duoszochwat*» предполагал, что оно перестает быть исключительным атрибутом Иосафата Кунцевича, начиная применяться также по отношению к Андрею Боболе. С одной стороны, прозвище не отделяется от своего первоначального носителя полностью: новый «душехват» именуется так на основании сходства с самим Кунцевичем. С другой стороны, как показывает пример текста Я. Купалы, оно получает возможность существовать в рамках нарративов, в которых первоначальный «душехват» вовсе не упоминается и тем самым отдаляется от него.

* * *

В текстах последних десятилетий XIX – начала XX в. лексема «душехват» могла фигурировать и во множественном числе. Первый известный пример встречается в анонимной статье 1866 г. в «Вестнике Западной России», написанной «одним ученым униатским священником из Мукачевской епархии». «Латинскими душехватами» автор именует современных себе проповедников, распространяющих римо-католицизм среди униатов Мукачевской епархии⁵⁴.

С начала 1880-х гг. в источниках, помимо «душехватов», появляется и понятие «душехватство». По-видимому, впервые оно было использовано в 1881 г. Н.Л. Устиановичем, униатским священником и деятелем галицкого русофильского движения, для обозначения римо-католического прозелитизма в среде униатов⁵⁵. В этом значении понятие и закрепляется в текстах, ориентировавшихся на Россию галицких и закарпатских авторов⁵⁶.

На рубеже XIX–XX вв. география распространения слов «душехватство» и «душехваты», а также их содержание существенно расширяются. Они начинают фигурировать в сочинениях украинских и русских авторов разной конфессиональной принадлежности и политических взглядов применительно как к актуальным проблемам отношений православия, унии и римо-католицизма, так и к реалиям XVII–XVIII вв. Так, С.И. Смаль-Стоцкий упоминает о «душехватстве» среди униатов Буковины⁵⁷. П.А. Кулиш,

⁵⁴ Состояние униатской церкви на Угорской Руси // Вестник Западной России. 1866. Т. 3. Кн. 7. С. 192.

⁵⁵ Устианович Н.Л. О состоянии гр. к. церкви на Буковине // Галицкий сion. Львов, 1881. С. 629.

⁵⁶ Свистун Ф.И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов, 1896. С. 117.

⁵⁷ Смаль-Стоцкий С.И. Буковинська Русь. Культурно-історичний образок. Чернівці, 1897. С. 172.

повествуя о событиях середины XVII в., пишет, что «душохваты» – это «Пизон, Поссевин, Скарга, Кунцевич, Рутский и пр. и пр. со всем неисчислимым иезуитским сонмом»⁵⁸. Ю.А. Целевич говорит о «душехватстве з стороны латинников» среди галицких униатов в середине XVIII в.⁵⁹ Автор анонимной статьи «Церковная жизнь у славян», изданной в декабрьском номере журнала «Странник» за 1881 г., описывает католическую проповедь среди православных славян как «уловление, или, как говорят русины – “душехватство” среди нетвердых в вере»⁶⁰. А в 1913 г. применительно к российским реалиям правый публицист А.П. Липранди утверждает, что после разрешения в 1905 г. свободного перехода из православия в иные вероисповедания началось «душехватство», которое автором определяется как «систематическая, широко организованная облава на православные души и уловление их всякими незаконными и недопустимыми способами»⁶¹.

При всем многообразии контекстов применения этого понятия неизменно одно: его употребление подразумевает порицание католического прозелитизма, причем речь может идти как о распространении римо-католицизма среди униатов (С.И. Смаль-Стоцкий, Ю.А. Целевич) или православных (А.П. Липранди), так и о проповеди римо-католицизма и унии в православной среде (П.А. Кулиш).

Таким образом, практика использования наименования «душехваты» во множественном числе и понятия «душехватство» зародилась в среде галицких и закарпатских униатов, придерживавшихся пророссийских взглядов, а в дальнейшем распространилась как в российских, так и в украинских интеллектуальных кругах в других регионах. При этом в текстах, где они используются, Иосафат Кунцевич либо фигурирует в длинном перечне «душехватов», либо, чаще, вовсе не упоминается. Наименование «душехваты» (во множественном числе), таким образом, полностью эмансипируется от прозвища Иосафата Кунцевича, начиная функционировать как самостоятельное понятие. По-видимому, для обозначения деятельности «душехватов» формируется и понятие «душехватство».

Чем было вызвано образование галицкими униатами-русофилами на основе прозвища Иосафата Кунцевича самостоятельного понятия, существующего отдельно от своего первоначального значения? Наиболее вероятным представляется следующее

⁵⁸ Кулиш П.А. Отпадение Малороссии от Польши. Т. 3. М., 1889. С. 148.

⁵⁹ Целевич Ю. Исторія скиту Манявского. Львов, 1887. С. 110.

⁶⁰ Церковная жизнь у славян // Странник. 1881. Т. 3. С. 446.

⁶¹ Липранди А.П. Польский вопрос в Западной Руси. Харьков, 1914. С. 82.

объяснение. В Галиции второй половины XIX в. издавались тексты, представляющие как позитивные (польские жизнеописания Боболи), так и негативные (перепечатка Ставропигийским институтом брошюры К.А. Говорского⁶²) значения определения «душехват». Однако сторонники русофильского движения, исповедующие униатство, не могли в полной мере разделять взгляды их авторов: польских иезуитов и православных западнорусских деятелей, неприязненно относившихся к унии. Сочинения последних подразумевали порицание Иосафата Кунцевича – главного униатского святого. В то же время первые, уподобляя Кунцевича Андрею Боболе, использовали сравнение для восхваления иезуита, проповедовавшего римо-католицизм среди населения, которое с точки зрения сторонников концепции триединого русского народа являлось русским. В связи с этим Н.Л. Устиановичем и другими униатами-русофилами наименование «душехват» оказалось отделено от персоны Кунцевича, но присущие ему негативные коннотации были сохранены и перенесены на неприязненно воспринимавшийся галицкими греко-католиками римо-католический прозелитизм. В свою очередь, как русские, так и украинские авторы, заимствовавшие наименование у галичан, как правило, вовсе не интересовались персоной Кунцевича, используя выразительные определения «душехватство» и «душехваты» для порицания римо-католического прозелитизма и не обращая внимание на их происхождение.

Заключение

Итак, первоначально наименование «Душехват» возникает как одно из многочисленных обозначений, отсылающих к распространенному в европейской христианской культуре XVII в. мотиву «охоты» на души («ловли»), которое, тем не менее, существовало только на пространстве Речи Посполитой и употреблялось исключительно как прозвище (подчас заменяющее собственное имя) одного человека – полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича. Сторонники и противники Кунцевича именовали его «Душехватом», стремясь поместить святого в контекст борьбы за человеческие души и, соответственно, отождествить либо с отступниками, похищающими души для ада, либо с последователями апостолов, ведущими людей к Богу и истинной Церкви.

После длительного перерыва наименование снова обретает популярность в нарративах второй половины XIX – начала XX в.

⁶² Жизнеописание Иосафата Кунцевича, архиепископа Полоцкого. Львов, 1868.

При этом оно и его производные применяются тремя разными способами. Первый из них отчасти представляет собой продолжение традиций XVII в. В текстах православных историков и публицистов западных губерний Российской империи и большинства польских католических авторов «душехват» остается исключительным прозвищем Иосафата Кунцевича, однако лишается сколько-нибудь существенного содержания. Факт существования прозвища становится лишь одной из многочисленных деталей биографии полоцкого архиепископа.

Два других способа в большей или меньшей степени предполагают разрыв с практиками употребления наименования, распространенными в XVII в. В работах польских католических агиографов из Галиции, а потом и в текстах некоторых других авторов слово «душехват» сохраняет характер прозвища, однако начинает использоваться применительно к другому лицу (Андрею Боболе) как с целью его уподобления Иосафату Кунцевичу, так и без нее. В то же время в сочинениях пророссийски ориентированных галицких униатов «душехват» перестает фигурировать как прозвище Кунцевича: встречаются случаи употребления наименования во множественном числе («душехваты»), входит в употребление понятие «душехватство», используемое для порицания католического прозелитизма. При этом в обоих случаях утрата наименованием «душехват» статуса исключительного прозвища Кунцевича имела место тогда, когда у обращающихся к нему авторов возникла потребность распространить присущие прозвищу позитивные или негативные коннотации на других лиц.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00538): «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в Раннее Новое время».

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project №24-28-00538): “Concepts and Categories in the Socio-Political Discourse of the States of Eastern Europe in the Early Modern Times”

Литература

Ісіченко 2011 – Ісіченко І. Василянське бароко // Слово і час. 2011. № 1. С. 3–21.

- Козеллек 2014 – *Козеллек Р.* Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи. Т. 1. / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 23–44.
- Кречун 2013 – *Кречун П.М.* Святый Йосафат Кунцевич (1580–1623) як свідок віри в епосі релігійної контрверсії. Жовква: Місіонер, 2013. 264 с.
- Лисейчиков 2020 – *Лисейчиков Д.В.* «Окрестихъ раба Божаго Ежефата»: практика имянаречения в честь Иосафата Кунцевича как маркер самоидентификации униатской Руси ВКЛ XVII–XVIII вв. // Религия и Русь, XV–XVIII вв. / сост., отв. ред. серии А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 256–269. (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).
- Лось, Сінкевич 2020 – *Лось В., Сінкевич Н.* Культ Йосафата Кунцевича: програма, розвиток і роль у руській католицькій свідомості в XVII–XVIII століттях // Життя в науці: Студії на пошану Любові Дубровіної / відпов. ред. О. Онищенко. Київ: Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, 2020. С. 441–470.
- Медведев 2023 – *Медведев К.М.* Культ Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой в XVII веке: между религиозной нетерпимостью и прозелитизмом // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. №1. С. 39–54.
- Родэвальд 2009 – *Родэвальд III.* Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. Сродак уніяцкай канфесійнай ідэнтычнасці ці польска-русінскага яднання? // Беларускі гістарычны агляд. 2009. Т. 16. Сш. 2 (31). С. 345–372.
- Скиннер 2023 – *Скиннер К.* Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Аташев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 123–141. (Интеллектуальная история)
- De Witt 2009 – *De Witt. D.* Rembrandt and the climate of religious conflict of the 1620s // *Jahrbuch der Berliner Museen*. 2009. Iss. 51. P. 17–24.
- Fukushima 2020 – *Fukushima Ch.* Uniate martyr Josaphat and his role as a confessionalizing, integrating, and nationalizing influence // *Entangled interactions between religion and national consciousness in Central and Eastern Europe* / ed. by Y. Aoshima. Boston: Academic Studies Press, 2020. P. 1–28.
- Gil 2005 – *Gil A.* Kult Jozafata Kuncewicza i jego pierwsze przedstawienie ikonowe w Rzeczypospolitej (do połowy XVII w.): Zarys problematyki // *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w.* / red. A. Gil. Lublin: Towarzystwo Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej, 2005. S. 65–72. (Studia i materiały do dziejów chrześcijaństwa wschodniego w Rzeczypospolitej)
- Jobst 2012 – *Jobst K.S.* Transnational and trans-denominational aspects of the veneration of Josaphat Kuntsevych // *Journal of Ukrainian Studies*. 2012. Vol. 37. No. 1–2. P. 1–17.
- Motta, Rai 2022 – *Motta F., Rai E.* Martyrs and missionaries: Strategies of Jesuit sainthood between the suppression and the restoration // *Journal of Jesuit Studies*. 2022. No. 9. P. 95–124.

References

- De Witt, D. (2009), "Rembrandt and the climate of religious conflict of the 1620s", *Jahrbuch der Berliner Museen*, iss. 51, pp. 17–24.
- Fukushima, C. (2020), "Uniate martyr Josaphat and his role as a confessionalizing, integrating, and nationalizing influence", in Aoshima, Y., ed., *Entangled interactions between religion and national consciousness in Central and Eastern Europe*, Academic Studies Press, Boston, USA, pp. 1–28.
- Gil, A. (2005), "Kult Jozafata Kuncewicza i jego pierwsze przedstawienie ikonowe w Rzeczypospolitej (do połowy XVII w.): Zarys problematyki", in Gil, A. ed., *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w.*, Towarzystwo Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej, Lublin, Poland, pp. 65–72. (*Studia i materiały do dziejów chrześcijaństwa wschodniego w Rzeczypospolitej*)
- Isichenko, I. (2011), "The Basilian Baroque", *Slovo i chas*, no. 1, pp. 3–21.
- Jobst, K. (2012), "Transnational and trans-denominational aspects of the veneration of Josaphat Kuntsevych", *Journal of Ukrainian Studies*, vol. 37, no. 1–2, pp. 1–17.
- Kozellek, R. (2014), "Introduction", in Zaretskii, Yu., Levinson, K. and Shirle, I., comp., *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii: Izbrannye stat'i*. [The dictionary of basic historical concepts. Selected articles], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, vol. 1, pp. 23–44.
- Krechun, P.M. (2013), *Svyatii Iosafat Kuntsevich (1580–1623) yak svidok viri v eposi religiinoi kontroversii* [Saint Josaphat Kuntsevych (1580–1623) as a witness of faith in the epoch of religious controversy], Misioner, Zhovkva, Ukraine.
- Liseichikov, D.V. (2020), "To baptize the God's servant Ezhefat': the practice of naming in honor of Josaphat Kuntsevich as a marker of self-identification of Uniate Rus' of the Grand Duchy of Lithuania in the 17th – 18th centuries", in Doronin, A.V., ed., *Religiya i Rus', XV–XVIII vv.* [Religion and Rus', 15th – 18th centuries], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 256–269. (*Post-Drevnyaya Rus': u istokov natsii Novogo vremeni*)
- Los', V. and Sinkevych, N. (2020), "The cult of Josaphat Kuntsevych: program, development and role in Russian Catholic knowledge in the 17th – 18th centuries", in Onishchenko, O. ed., *Zhittya v nautsi: Studii na poshanu Lyubovi Dubrovinoi* [Life in science. Studios for Lyubov Dubrovina], Natsional'na biblioteka Ukraïni imeni V.I. Vernads'kogo, Kyïv, Ukraine, pp. 441–470.
- Medvedev, K.M. (2023), "The cult of Josaphat Kuntsevich in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th century: between religious intolerance and proselytism", *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1, pp. 39–54.
- Motta, F. and Rai, I. (2022), "Martyrs and missionaries: Strategies of Jesuit sainthood between the suppression and the restoration", *Journal of Jesuit Studies*, no. 9, pp. 95–124.
- Rodewald, S. (2009), "On honoring Yozafat Kuntsevich in the 17th century. A means of Unionist confessional identity or Polish-Rusyn unity?", *Belaruski historychny ahliad*, vol. 16, no. 2 (31), pp. 345–372.

Skinner, K. (2023), "Motives, intentions and interpretation of texts", in Atnashev, T. and Velizhev, M., comp., *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [Cambridge school: theory and practice of intellectual history], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 123–141. (*Intellektual'naya istoriya*)

Информация об авторах

Виктор И. Короневский, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; *iliich2000@mail.ru*

Кирилл М. Медведев, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; *kikamimi@mail.ru*

Information about the authors

Viktor I. Koronevskii, postgraduate student, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 5, Mendeleyevskaya Line, Saint Petersburg, Russia, 199034; *iliich2000@mail.ru*

Kirill M. Medvedev, postgraduate student, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 5, Mendeleyevskaya Line, Saint Petersburg, Russia, 199034; *kikamimi@mail.ru*